Татаренко Юрий Анатольевич. Родился в 1973 году в Новосибирске. Работает журналистом. Член Союза писателей России с 2006 года. Публиковался в литературных журналах: «Арион», «Новая Юность», «День и ночь», «Сибирские огни», «Нева», «Иртыш», «Алтай», «Бийский вестник», «Российский писатель», «Чаша круговая», «Южная звезда», «Лава», «Отражения», «Брега Тавриды» и др.

Юрий Татаренко
г. Новосибирск

Поземка

Как хорошо зимой в чужом дому
Повспоминать о крымском разнотравье,
На скромный завтрак глядя, самому
Постель беловспотевшую заправить –
И снова на нее вдвоем упасть
В предчувствии лирического шторма…
Остывший кофе потеряет власть
Над заново задернутою шторой,
И в сладком новогоднем полусне
Январь свои снежинки обналичит…
Привидятся в полуденном окне
Вершины гор – ступени в безразличье –
Где знать не знает трезвая Москва
Мускатные рассветы в Коктебеле,
И не приходят в голову слова:
«Мороз отступит… Слабые метели…»

Волошинский сентябрь

Глупеть, наливать, выпивать
С древком белого флага,
С похмелья себя узнавать
В профилях Карадага –
И слизывать с мятой хурмы
Персиковую смазку…
Вокруг Коктебеля холмы –
Гор карнавальные маски.

Кричать всем подряд: «Ай лав ю!» –
Нотам, певцу, роялю…
А где комсомольцы свою
Молодость прожигуляли?
Искать – не видать ни черта –
Губы москвички Ирины:
К рукам прибрала темнота
Черное море и рифмы.

Распробовать вкус тетивы
Мраморного амура,
Измерить сонливость халвы,
Слушая Азнавура,
Подкинуть харчишек костру,
Высмеять звезды седые –
И в книге заливов к утру
Выключить все запятые.

***

Ослеплён, оглушён ароматом
Коктебельской небрежной степи...
Я поспорил бы с доном Руматой,
Чей дебильнее герб «V.I.P.»!

Так несущие белую вахту –
Или ваты умелый начёс –
Соревнуются облачко с яхтой,
Кто сильнее похож на утёс.

В прошлой жизни – потливость вокзала
И пытливость прищура мента...
Лишний шаг на сплошной юго-запах -
Бьёт под дых голубая мечта
Тишиной окропить побережье
И под утро исчезнуть в траве...
Карадагские скалятся бреши
Над закатом, нырнувшим в портвейн.

Неотправленное письмо

Брожу ли по улицам Ялты
В тревоге морской суеты,
Вживаюсь ли в крымские ямбы
Нахлынувшей темноты –
Иду не проспектом Презренья,
Не красной тропою войны –
Тернистой дорогой прозренья,
Тенистым путем тишины.

Тропа на Столбы

Болеют горы безавтомобильем,
Болеют горы кашей на костре,
Ночной прохладой (летней, безобидной),
Обильною росою на заре.

Больны вершины белой тишиною,
Больно подножье тропкой в небеса…
Творится что-то странное со мною:
Охота песни – петь, а не писать!

Подскакивает, словно на пружине,
Вода в ручье – попробуй, зарисуй!
Болеют неразгаданностью жизни
Столбы, гитара, первый поцелуй.

После дождя

Август…Золотом тронет виски
У березонек простоволосых.
Обопрутся юнцы-стебельки
На грибной лакированный посох.
Равнодушный к таким чудесам,
С первобытным остервененьем
Тренируется в рощах десант
Наносить ножевые раненья.
Сплюнет маршал зачисток, восход –
Превратятся сверчки в истуканов
И протрет ветерок небосвод
Плохо выжатой марлей тумана.
Стрекозе поднимать на крыло
Уцелевших во влажной уборке…
Как же белым под шляпки взбрело
Прыгнуть именно в наши ведерки?

За околицей

Облака в закатных блестках.
Стихли вопли пацанов.
В чистом во поле березка –
Как закладка в книге снов.

Одинокая березка –
Поля светлая печаль.
За свои пять лет Бориска
Белоствольней не встречал!

В жарких сумерках березка
С умным видом шелестит:
«Ласкам не хватает лоска…
Пастухи придут к шести…»

За телегою повозка
Прячутся в туман густой.
Деревенская березка
Одарила берестой.

Красноглазым перекресткам
В дар – железные моря…
Одинокая березка –
В небо
Лестница
Моя.

Первое марта после развода

Я в глупь себя смотрю ночами…
Понять, простить – с чего начать?
На чёрном полотне молчанья –
Луны кричащая печать.

Последние улики лета –
Две капельки «Алиготе».
Рассвет. Финита февралита.
Респект каналу ТНТ.

Пусть голова от слёз распухнет,
Седому волосу – ура!
Будильник прозвенел. Пора
Собраться с мюслями на кухне.